

Вырезка из газеты КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА

от 14 АПР 1943

Алма-Ата

Газета

Литературные вечера Николая Мордвинова

У каждого подлинного художника есть своя большая тема, своя ведущая линия всей творческой жизни. Эта большая, ведущая тема всюду и во всем определяет и утверждает творческую индивидуальность художника, его самостоятельный, только ему одному присущий способ воспринимать и выражать строжайшую действительность.

Во всем, что делает Николай Мордвинов на сцене и на экране, сквозит его, мордвиновская, большая тема: жизнеутверждение.

Мордвинов беспредельно любит жизнь во всех её проявлениях. Его образы проникнуты таким глубоким, всеохватывающим чувством радости существования, что они порою напоминают творения мастеров возрождения. Причём, его мировосприятие не пассивное, не созерцательное, а мужественное, активное, мобилизующее.

Вспомним его актёрскую работу в спектакле «Ученик дьявола» — Б. Шоу; его цыгана Юдко в картине «Последний табак»; его кавалера в «Трактирщике» — Гольдони, его непревзойденного Огнева во «Фронте» Корнейчука. А великолепная галерея исторических кино-портретов последних лет! Разве не об одном, главном, ведущем мотиве в творчестве Мордвинова говорят эти, совершенно различные по характеру и жанру, работы?

И этот лейтмотив в творчестве Мордвинова ещё раз и с особой отчётливостью прозвучал в новом для него жанре — в художественном чтении.

Выбор материала свидетельствует, прежде всего, о тонком литературном вкусе Мордвинова и об его чрезвычайно широком актёрском диапазоне. Лермонтов, Маяковский, Горький и Шолохов... И вместе с тем, какой чёткий и принципиальный подход в трактовке каждого из этих авторов.

Основное, что бросается в глаза с первого же появления Мордвинова на эстраде — это его подчеркнутая актёрская, театральная интерпретация материала. Причём, необходимо тут же отметить, что его выдающиеся сценические мастерство не только не вредит «чтецовой» специфике, а, наоборот, придаёт чтению Мордвинова какую-то особую выразительность и осмысленность. Образы становятся рельефными, осязаемыми, они приобретают новое, не только звуковое, но и зрительно-пластиче-

ское воплощение.

И в то же время чувства меры ни разу не изменяет актеру: все его интонации, жесты, движения до предела скупы, целесообразны и органичны, в них нет ни грани наигрышности, ложной патетики или плохой театральщины.

Все эти качества Мордвинова, его жизнеутверждающий оптимизм, романтическая приподнятость тона, яркая, сочная театральность — нашли свое подтверждение и на новом для него поприще.

Мордвинов трактует «Демона» очень смело, своеобразно, свежо, современно и, вместе с тем, глубоко органично. В этом-то и сила настоящего таланта, что он умеет говорить со своими современниками языком современности, не разрывая, в то же время, связи с прошлым и как бы переносывая мосты к будущему. Гениальная поэма прозвучала в исполнении Мордвинова гневным протестом мятежного духа против косности, лицемерия и ограниченности Лермонтовской эпохи: Мордвинов проделал, видимо, огромную работу над поэмой. На его исполнении лежит печать глубокой продуманности, поразительной ясности и чёткости общего замысла и филигранной отделки каждой фразы, каждой интонации и каждого движения.

Прослушав «Демона», спрашиваешь себя: возможно ли, чтобы Мордвинов и во всех других намеченных к исполнению вещах, достиг такого же полного слияния своей творческой индивидуальности с авторским текстом, как ему это удалось в Лермонтове? И с явным нетерпением ждёшь следующего появления мастера, когда, как обещает программа, он должен читать Маяковского.

Мордвинов — художник принципиальный и последовательный. Из поэмы «Владимир Ильич Ленин» он избрал для чтения последнюю её часть, наиболее сгущенную, наиболее сосредоточенную, где пафос трибуны революции Маяковского приглушен, ибо голосом поэта говорит скорбь миллионо-

Остановитесь,
движение и жизнь.

Поднявшие молот —
станьте на месте.

Земля, замри,
ложись и лежи!

Безмолвие.

Путь величайший окончен.

Картина прощания народа с Ильичём звучит в передаче Мордвинова эпически величаво. Образность речи Маяковского,

его, если можно так выразиться, поэтический максимализм, приобретает у Мордвинова какую-то особую теплоту, искренность и простоту.

Именно в этом отрывке актёрские качества Мордвинова выявляются с особой наглядностью. Высокая внутренняя накалённость, при внешне скупом, как из камня высеченном, чётком рисунке. Горячие, крупные и весомые слова актёра и впрямь будят в сознании зрителя ощущение, что он

Как будто
минуто

один на один

остался

с огромной

единственной правдой.

И эта правдивость, реальность и конкретность мордвиновской трактовки Маяковского делают для нас лучшего поэта нашей эпохи ещё более близким, родным и сегоднешним.

Заканчивает Мордвинов свои замечательные вечера отрывком из «Тихого Дона».

Если в предыдущих вещах Мордвинов как будто знакомил нас только с одной какой-либо стороной своего разнообразного таланта, то в «Тихом Доне» он раскрывает перед зрителем одновременно все стороны своего мастерства. Перед вами не чтец, не беспристрастный посредник между автором и зрителем. Перед вами актёр огромного темперамента и неотразимого обаяния, и этот актёр так живо, так убедительно перевоплощается и растворяется в авторском материале, не теряя при этом черты своего творческого «Я», — что вы забываете все условности искусства, вы присутствуете при разговоре живых, полнокровных шолоховских героев. И как сочна, как мужественна, как остра и ароматна их речь, как подвижны их лица, как выразительны глаза, как заразителен их смех!

Мы были свидетелями такой активной реакции зрительного зала, какую редко встретишь даже в хорошем театре, на хорошем спектакле. Зрительно не хотелось расстаться с актёром, как бывает жалко закрывать после прочтения захватившую вас волнующую и мудрую книгу. И это вполне понятно: зритель провёл вечер под воздействием таких богатейшей русской художественного слова, как Лермонтов, Маяковский, Горький и Шолохов в своеобразном, смелом и впечатляющем толковании одного из интереснейших мастеров молодого поколения советского актёрства — лауреата Сталинской премии Николая Дмитриевича Мордвинова.

М. ГОЛЬДБЛАТ,
народный артист КазССР и засл. артист РСФСР, орденосеи.